

**РАЗДЕЛ 1
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

**PART 1
PHILOLOGICAL SCIENCES**

К 100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

УДК 82.3

DOI 10.17238/issn1998-5320.2019.36.10

Е. А. Акелькина,
Омский региональный Центр изучения творчества Ф. М. Достоевского
при Омском государственном университете им. Ф. М. Достоевского

**ПРИНЦИПЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СИНТЕЗА В ОРГАНИЗАЦИИ ЦЕЛОГО
В ФИЛОСОФСКИХ ЦИКЛАХ МИНИАТЮР «КРОХОТКИ»
А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА**

Проблема и цель. В статье изучены формы создания художественного синтеза целого философского цикла «Крохотки» А. И. Солженицына. Описаны методы создания философского повествования цикла «Крохотки».

Методология. Автор исследует проблему философского повествования с помощью сравнительно-исторического метода, изучает связи миниатюр в цикле.

Результаты. Главная идея произведения – понять смысл жизни.

Выводы. А. И. Солженицын – мастер философской прозы.

Ключевые слова: философская проза, цикл, художественный синтез, повествование, «Крохотки».

*Художественное творчество примыкает
по своей природе к творчеству синтетическому.*

М. Пришвин

*Что остаётся надолго,
то рождается от цельной личности в муках и радости.
Добраться бы в себе до этого синтеза рождения личности.*

М. Пришвин

Почти одновременно с первыми рассказами А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и «Матрёнин двор» создавался цикл философских миниатюр «Крохотки» – с 1958-го по 1960 г. Импульсом для творчества послужили впечатления писателя от его велосипедных поездок по средней России. Эти 17 лаконичных произведений при всех их поэтичности и мастерстве так и не увидели свет на родине, долго ходили в самиздате. Первая публикация появилась в журнале «Грани» (Франкфурт, 1964, № 56). Часто этот цикл называется стихотворениями в прозе, однако важнее здесь подчи-

нение всех художественных приёмов выражению чувства связи бытия писателя с вечностью, что и даёт неповторимую философичность целого.

Соединение созерцательности и экспрессии, метафоризации речи и динамизма переживаний, личного опыта и острого ощущения присутствия автора, а также концентрированной ёмкости смыслового обобщения и яркости поэтической картины позволяет приблизительно назвать этот цикл по известным аналогиям стихотворениями в прозе.

Проблема и цель. Литература XX в. строится на синтезе многих начал: стихов и прозы, личного опыта и вымысла как формы обобщения. И этот цикл А. И. Солженицына вообрал в себя и переплавил множество жанровых культурных тенденций, реализуя единство творчества и судьбы автора как воссоздание своеобразного потока бытия. Этот первый цикл, названный интимно и уютно «Крохотки», написан зрелым сорокалетним писателем. Второй цикл с этим же названием будет написан А. И. Солженицыным в 1996–1999 гг. на излёте жизни. «Только вернувшись в Россию, я оказался способен снова их писать, там – не мог» [1, с. 573] (курсив писателя), – заметит автор в письме в редакцию «Нового мира», где и будут впервые опубликованы следующие 13 миниатюр вторых «Крохоток» (1997, № 1, 3; 1999, № 7). Эта глубинная внутренняя связь автора с судьбой Родины характерна для настоящей философской прозы.

Термин «философская» довольно условен. Перед читателем развёрнут ряд разнообразных впечатлений, чувств, картин, но все они философичны, потому что творят единство с мирозданием на основе неповторимого личного опыта, восстанавливают чувство цельности мира. Если в эпоху романтизма и позже до конца XIX века подобные циклы философских миниатюр обозначали жанрово (стихотворения в прозе, фантазии, фрагменты, апологи и т. д.), то авторы XX в. стали акцентировать в названии цикла момент личного внутреннего переживания или символическое восприятие («Опавшие листья», «Незабудки», «Камешки на ладони», «Затеси»). Солженицын назвал свой цикл по-домашнему ласково «Крохотки». В интервью Н. А. Струве 1976 г. писатель вполне осознанно говорит о своих творческих принципах: «В малой форме можно очень много поместить, наслаждение работать над ней и оттачивать грани. Сам материал продиктует то, что надо. Вымысел есть для художника средство концентрации действительности». Композиция первого цикла построена как путь к постижению круга бытия, тайны жизни через образы России.

Методология. Автор исследует проблему философского повествования с помощью сравнительно-исторического метода, изучает связи миниатюр в цикле.

Результаты. Первая миниатюра «Дыхание» передаёт универсальное для всех людей ощущение наслаждения процессом жизни.

«Я стою под яблоней отцветающей – и дышу. Не одна яблоня, но и травы вокруг сочают после дождя – и нет названия тому сладкому духу, который напаивает воздух. Я его втягиваю всеми лёгкими, ощущаю аромат всею грудью, дышу, дышу, то с открытыми глазами, то с закрытыми – не знаю как лучше.

Вот, пожалуй, та воля – та единственная, но самая дорогая воля, которой лишает нас тюрьма: дышать так, дышать здесь. Никакая еда на земле, никакое вино, ни даже поцелуй женщины не слаще мне этого воздуха, напоенного цветением, сыростью, свежестью» [1, с. 269].

Казалось бы, перед читателем лирико-философская зарисовка, но движение мыслеобраза осуществляется от внешнего к внутреннему личностному переживанию и далее к экзистенциальному обобщению и восходит к универсальной радости бытия. Изумительна стилистика повествования от условно-биографического «я» – с непринуждёнными разговорными интонациями и вдруг восходящая к обобщениям самого высокого порядка. Такова миниатюра «Озеро Сегден»: начинается с сегодняшнего запрета проезда к этому месту, с поиска тропы к нему до восторга («это местечко на земле любишь ты на весь свой век» [1, с. 270]) через антитезу злой власти и противостоящей ей красоты мира. И кульминация в композиции миниатюры естественно соединяет внешнюю природу и порыв человеческой души: «Вот тут бы и поселиться навсегда... Тут душа, как воздух дрожащий: между водой и небом струилась бы, и текли бы чистые глубокие мысли <...> Озеро пустынное. Милое озеро. Родина...» [1, с. 271]. Здесь налицо все приёмы философского стиля – символичность, парадигмальное развёртывание частей, антиномичность, резкое переключение из бытового плана в экзистенциальный, обилие пауз-многоточий, чтобы подключить свой опыт, внутренняя диалогичность, а в финале – просветление, прозрение, открытие красоты вечной.

Через все миниатюры проходит смысловая оппозиция сиюминутного разрушения гармонии бытия и торжества вечного созидательного начала. И «Утёнок», и «Вязовое бревно», и «Отражение в

воде», и «Гроза в горах», и «Шарик» – это о тайне жизни, о её энергии, о загадочном сопротивлении злему разрушению. Есть и миниатюры, посвящённые чуду искусства, поэзии («Прах поэта», «Город на Неве», «На родине Есенина»).

В «Городе на Неве» реализуется параллелизм «взрывов нашего несогласия, стонов и слёз» подневольных творцов гармонии как дорогой цены за «наше самое славное великолепие» и панорамы прекрасного города. Он нарочно не назван, и это умолчание – незаданный вопрос, который активизирует мысль читателя, и обилие риторических высказываний, вопросов, воображаемых диалогов и отдельных чужих реплик. В этом многоголосом повествовании авторское «я» направляет наше читательское восприятие то вовне, то внутрь от отчуждения, отстранения к вживанию в ситуацию мышления к чувству. Здесь явно продолжение, хотя и органичное, повествовательной традиции «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского.

В самом центре цикла рассказ-воспоминание о войне «Старое ведро». Здесь нет реального случая, а использован приём «прожектора», укрупнения детали. Найденное в заброшенном блиндаже старое ведро вызывает в памяти философствующего повествователя атмосферу военного быта, дружбы, своего рода квинтэссенцию военных лет. Это и есть добывание смысла в философской прозе – от быта, детали к сущности пережитого. А финал всё высвечивает: «Стою над ним, нахлынуло. Ребята чистые, друзья фронтовые! Чем были живы мы, и на что надеялись, и самая дружба наша бескорыстная – прошло всё дымом, и никогда уж больше не служить этому ржавому, забытому...» [1, с. 282] (здесь и далее курсив мой. – Е. А.).

Философское слово явно отличается от эпического описательного своей направленностью к невидимой сути явлений и процессов. Многослойная ёмкость обобщения сущности сводит единство переживания фронтовиками самого главного – чистоты их бескорыстной жертвы, основы их бытия и надежды и сожаление о невозвратном единстве, братстве на грани жизни и смерти. А ещё в конце переводит слово о подвиге спасения Родины в иной план: они свой долг выполнили, но и выжившие служили вовсе не «этому ржавому, забытому», под чем подразумевается власть, амбиции, карьеры начальников, неоправданная гибель солдат, которых не сберегли полководцы. Их дело – чисто, так это видится спустя двадцать лет.

О сегодняшней разрухе в умах и душах три миниатюры: «Колхозный рюкзак», «Мы-то не умрём», «Приступая ко дню». Первая и третья миниатюры начинаются с зарисовок, а в финале – смысловый акцент, вывод, как в притче, или мораль в басне через прямое экспрессивное обращение к опыту читателя. Наблюдение развёртывается в обретение невидимого смысла с помощью отстранения, риторических восклицаний, моралистической сентенции. Закольцовывает композицию цикла финальная миниатюра «Путешествуя вдоль Оки», так от самого необходимого для жизни («Дыхание») до панорамы русского пейзажа, прекрасного, несмотря на разрушение храмов и душ.

Но цельность цикла утверждает вечную гармонию мироздания, это судьбы беспмятных современников туманны и тревожны, это их будущее под вопросом. «И всегда люди были корыстны, и часто недобры. Но раздавался звон вечерний, плыл над селом, над полем, над лесом. Напоминал он, что покинуть надо мелкие земные дела, отдать час и отдать мысли – вечности. Этот звон, сохранившийся нам теперь в одном только старом напеве, поднимал людей от того, чтоб опуститься на четыре ноги.

В эти камни, в колоколенки эти, наши предки вложили всё своё лучшее, всё своё понимание жизни» [1, с. 289].

Так завершается цикл раздумий о человеке и о судьбах России в перспективе времени.

Спустя почти сорок лет А. И. Солженицын, возвращаясь в Россию, проехав с Дальнего Востока до Москвы, напишет второй цикл «Крохоток». Если пространство первого цикла – центр, сердце родины – её средняя полоса в окрестностях Рязани. То во втором – огромные просторы Сибири и движение на запад и также в центре внимания – горестная и исполненная надежды судьба нашей страны. Что изменилось в повествовании? Автор достигает возраста и уровня настоящего мудреца, ему – 80, а в миниатюрах наряду с тревогой и горечью больше света, гармонии и надежды. Эти 13 небольших рассказов написаны словно нам в помощь и в ободрение.

Первый же рассказ «Лиственница» – и о сибирском странном дереве, и о сибирском непростохарактере. Везде параллель природы и внутреннего мира человека. «Молния» в грозном ударе, расщепившем липу, который сравнивается с ударом «кары-совести». Ровно половина философских миниатюр – о единстве мира и о месте человека в истории («Колокол Углича», «Колоколя», «Позор», «Лихое зелье»). А вторая половина «Крохоток» – о возрасте подведения итогов, о самостоятельности, о «власти над собой». В этом цикле, несмотря на то что Россия в обвале, больше позитива, духовных подсказок, что-

бы держать себя достойно. Интонация раздумья словно пронизана светом мудрого понимания, а язык прекрасен гармонией и самоцветами незабытых выразительных, исконно русских слов (неподымна, ударище грома; остоится; поспешливым, до умолка, окоём, догадливо, раскатные, страдальный колокол, изневольный, затопленцы; неотъёмный клад, неотстанное чувство, неубитый поиск, щедродушных людей, взбрасываются, издумками, первозданная снежистая белизна, огляд, непротронутая гладь вечной воды, сумерничанье, нерастребленный смысл, предданная ясность). Слов этих не слишком много, каждое сопрягает бытовое и внутреннее, каждое сгущает смысл или наводит на открытие истины. Слово в философствовании А. И. Солженицына не украшение, а инструмент добывания незримой сущности. В миниатюре «Утро» изумительно точно воссоздано рождение сердечной мысли, творческого открытия. «И распахивает тебе необъятно покойное, ясное утреннее состояние.

Как думается в эти минуты! Кажется: сейчас ты с какой-то нечаянной пронизательностью – *что-то такое* поймёшь, *чего никогда... чего...*

Замираешь. Будто в тебе вот-вот тронется в рост *нечто*, *какого* ты в себе не изведывал, не подзревал. Почти не дыша, призываешь – тот *светлый росток*, ту *верхушку белой лилийки*, которая вот сейчас выдвинется из непротронутой глади *вечной воды*.

Благодательны эти *миги!* Ты – *выше самого себя*. Ты что-то несравненное можешь открыть, решить, задумать – только бы не расколыхать, только б не дать протревожить эту озёрную гладь *в тебе самом...*» [1, с. 564].

Синтаксис философских «Крохоток» рассчитан на нормальное напряжение читательского внимания. Почти все миниатюры состоят из пяти абзацев. В нескольких финальных специально выделены заключительные фразы-итоги («Нам бы – так»; «Власть над собой»; «И – обещание встречи»; «Да и не во всякое утро»; «И отпущено каждому живущему только: свой труд – и своя душа»).

Эти афористичные концовки – тоже особенность стиля философствования Солженицына, они не просто подводят итоги, а заставляют читателя пойти вглубь, думать дальше самим. Они не связаны с контекстом и самостоятельны, в них энергия интенции автора к продолжению думания и эмоциональные восклицания, вопросы, полемические реплики, которые вызывают к несогласию.

Только более краткая миниатюра «Завеса» о грозной сердечной болезни, в которой видится автору «образ самой нашей жизни», стремительна и непредсказуема именно тайной «благословенного незнания». И радостная благодарность за ещё один полный день, дарованный Господом в конце.

Последняя миниатюра «Поминование усопших» непонятно как творит связь живых с уже ушедшими: «И – обещание встречи» [1, с. 569]. Этот открытый финал как бы продлевает пространство мысли, вовсе не рациональной, а скорее универсальной.

Тематически у «Крохоток» есть переключки со «Стихотворениями в прозе. Senilia» И. С. Тургенева, но в них нет страха смерти, а налицо мудрое принятие Божьей воли и тайны своего ухода. Ближе всего по духу и традиции повествования «Крохотки», как уже не раз замечалось многими исследователями, к «Дневнику писателя» и «Записным тетрадям» Ф. М. Достоевского, а также к «Незабудкам» М. М. Пришвина.

Как и у Достоевского, любимые знаки Солженицына в «Крохотках» – тире и многоточия, как знаки паузы, обрыва мысли, направляющие читателя в глубь собственных раздумий.

Вывод. Организация художественно-философского целого «Крохоток» основана на предельной свободе смысловых сопряжений разных планов повествования, жанровых тенденций, стилистических приемов философской прозы (символизация, риторические фигуры, ключевые слова, исполненные особой экспрессии; афористичность, диалог истин разных времён, парадигматический способ развёртывания рассказа, антиномичность, контрасты, повторы и т. д.).

Все эти способы создания художественно-философского синтеза направлены на передачу невидимого смысла бытия, на постижение тайны поиска истины. Свобода переключений из одного плана философского повествования в другой (от зарисовки конкретного впечатления к итоговому афористическому обобщению, вопросу, восклицанию, обрыву мысли) позволяет активизировать процесс мысли у читателя. Философское повествование Солженицына мастерски передаёт ритм его духовного бытия и думанья.

Библиографический список

1. Солженицын А. И. Рассказы. СПб.: Азбука-классика, 2003.

E. A. Akel'kina,
Doctor of Philology, Professor,
Omsk Regional Research Center Dostoevsky's Creative Works
Study in Dostoevsky Omsk State University,
55a Mira Ave., Omsk, 644077, Russian Federation
e-mail: fmdostocentr@yandex.ru

**PRINCIPLES OF ARTISTIC SYNTHESIS IN THE ORGANIZATION OF THE WHOLE
IN THE PHILOSOPHICAL CYCLES OF "KROHOTKY" MINIATURES
BY A. I. SOLZHENITSYN**

Introduction. The article studies the forms of artistic synthesis creation in the whole philosophical cycle "Krohotky" by A.I. Solzhenitsyn. The work describes the methods of philosophical narrative creation in the cycle "Krohotky" by A.I. Solzhenitsyn.

Materials and Methods. The author investigates the problem of philosophical narration with the help of the comparative and historical method, studies the links of miniatures in the cycle.

Results. Results confirm that the main idea of the work is to understand the meaning of life.

Conclusions. A.I. Solzhenitsyn is a master of philosophical prose.

Keywords: philosophical prose, cycle, artistic synthesis, narration, "Krohotky"

References

1. Solzhenitsyn A. I. *Stories*. Saint-Petersburg: Publ. Alphabet-classics, 2003.

Поступила в редакцию 24.08.2018

© Е. А. Акелькина, 2018

Автор статьи: Елена Алексеевна Акелькина, доктор филологических наук, профессор, руководитель Омского регионального научно-исследовательского Центра изучения творчества Ф. М. Достоевского при Омском государственном университете им. Ф. М. Достоевского, 644077, Омск, пр. Мира, 55а, e-mail: fmdostocentr@yandex.ru

Рецензенты:

Э. И. Коптева, доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы и культурологии, Омский государственный педагогический университет.

О. В. Мирошникова, доктор филологических наук, профессор, Омская гуманитарная академия.